Николай Николаевичъ Муравьевъ.[1])

Полагаю не безъинтереснымъ присоединить къ статьѣ о Николаѣ Николаевичѣ Муравьевѣ, напечатанной въ «Русской Старинѣ» (томъ VIII, 1873 г., октябрь, стр. 599—632) и мои замѣтки—на основаніи древняго изрѣченія: выслушай же и противную сторону (nam audiatur et altera pars).

Во время командованія Николая Николаевича Муравьева гренадерскимъ корпусомъ, я неоднократно имѣлъ случай бывать у него, не столько по долгу службы, сколько въ качествѣ врача-консультанта. Это дало мнѣ возможность познакомиться съ нимъ довольно близко. Во многомъ подражая Суворову, покойный Николай Николаевичъ велъ жизнь регулярную, простую, избѣгая всякой роскоши, къ чему пріучалъ и дочерей своихъ. Спалъ онъ обыкновенно въ своемъ кабинетѣ, на соломенномъ тюфякѣ и таковой же точно подушкѣ, накрываясь шинелью. Вставая довольно рано, онъ, къ восьми часамъ, выходилъ къ утреннему чаю въ той же шинели, въ накидку; такъ принималъ и у себя въ кабинетѣ не только своихъ адъютантовъ, но и штабъ-офицеровъ, являвшихся къ нему по службѣ. Столъ его былъ русскій: сытный и не сложный; къ обѣду подавали, и то не всегда, по бутылкѣ бѣлаго и краснаго вина, но самъ Николай Николаевичъ почти ничего не пилъ, утоляя жажду простымъ квасомъ. Къ его прибору ставили обыкновенно большой, деревянный жбанъ (въ родѣ тѣхъ, какіе попадаются въ крестьянскихъ избахъ, да на постоялыхъ дворахъ) и при немъ ковшъ. Хотя Николай Николаевичъ любилъ нашу русскую баню, былъ страстный охотникъ попариться, но нѣжиться или «наслаждаться» этимъ не любилъ, вообще умѣя переносить жесточайшій холодъ. Въ самые трескучіе морозы онъ прогуливался въ одномъ сюртукѣ за городскую заставу въ казармы, и слѣдовавшему за нимъ офицеру, не имѣвшему не только фланелевой фуфайки, но, можетъ быть, даже и жилетки, приходилось порядкомъ зябнуть. Н. Н. Муравьевъ не любилъ изнѣженныхъ маменькиныхъ сынковъ, и замѣчая на комъ-либо изъ офицеровъ шинель съ бобровымъ воротникомъ, дѣлалъ замѣчаніе, что-де такая шинель—роскошь для солдата; что онъ самъ шинели съ бобровыми воротниками никогда не нашивалъ. Съ каждымъ, являвшимися къ нему, офицеромъ онъ долго разговаривалъ, зондируя его со всѣхъ сторонъ, измѣряя степень его знаній, способностей и въ тоже время распрашивая испытуемаго о его родствѣ и связяхъ. Извѣстно, что Николай Николаевичъ зналъ многіе, не только европейскіе, но и восточные языки Говорили, помнится, будто директоръ Новгородской гимназіи, Ф. Н. Эрдманъ, бывшій профессоръ Казанскаго университета, при свиданіяхъ съ Николаемъ Николаевичемъ, велъ съ нимъ разговоры на какомъ-то восточномъ языкѣ,— но оба оріенталиста не всегда вполнѣ понимали другъ друга.

Сколько я могъ замѣтить, Николай Николаевичъ не проводилъ даже и часу

на шесть дней, въ передовую цѣпь, въ которой, исполняя должность офицера генеральнаго штаба, я, однако-жъ, отдежурилъ, но по порученію его же (какъ и значится въ моемъ формулярномъ спискѣ) безотлучно, съ 9-го іюля по 16-е августа 1828 г., и также остался цѣлъ. Какая разница въ понятіяхъ двухъ генераловъ по одному и тому же предмету! С. Сулима.

[1]) См. «Русская Старина», т. VIII, октябрь 1873 г., стр. 599 - 632 и т. X, май 1874 г., стр. 139—151.

безъ дѣла. Утомленный серьезными занятіями, онъ, вмѣсто отдыха, училъ своихъ дочерей вести счеты, не только по домашнему хозяйству, но и по управленію имѣніемъ и для провѣрки отчетовъ старосты. Какъ мало заботился онъ о собственныхъ своихъ удобствахъ, доказательствомъ тому служило его довольствованіе однимъ экипажемъ...

Хотя къ вечернему чаю къ Николаю Николаевичу и собирались иногда немногочисленные его знакомые, но бесѣда какъ-то вообще не клеилась, все было принужденно и оффиціально до тѣхъ поръ, покуда хозяинъ (считавшій ниже своего достоинства тратить время на пустые разговоры) не удалялся въ кабинетъ; только тогда одушевлялась бесѣда, оживалъ общій разговоръ...

Всѣмъ извѣстно, что Николай Николаевичъ былъ строгъ къ самому себѣ и взыскателенъ съ подчиненными. Особенно доставалось его адъютантамъ и чиновникамъ штаба, завѣдывавшимъ письменною частью; но солдаты его любили: онъ мало налегалъ на фронтовую службу, заботясь болѣе о ихъ удобствахъ, довольствіи, помѣщеніи, даже о ихъ развлеченіяхъ. Къ подчиненнымъ своимъ, онъ, дѣйствительно, былъ недовѣрчивъ и, можетъ быть, не безъ причины. Вотъ случай, служащій тому доказательствомъ.

Какъ-то разъ, послѣ обыкновенной своей прогулки, Николай Николаевичъ зашелъ въ госпиталь и, замѣтивъ у одного гренадера, съ лѣвой стороны груди небольшое пятно на рубашкѣ, призвалъ меня и спросилъ:

— «Отчего пятно у моего гренадера?»

Я объяснилъ, что у больнаго застарѣлая грудная фистула, которая, будучи закрыта, можетъ произвести одышку и тоску. Тогда Н. Н. Муравьевъ приказалъ смотрителю госпиталя, капитану Мордвинову, озаботиться частою перемѣною бѣлья на больномъ и вышелъ изъ палаты въ другое отдѣленіе и мы всѣ за нимъ. Не прошло и часу какъ въ эту же самую палату пріѣхалъ адъютантъ Николая Николаевича удостовѣриться въ исполненіи его приказанія. Къ несчастью, рубашки на больномъ еще не успѣли перемѣнить, и адъютантъ обязанъ былъ доложить объ этомъ строгому начальнику. Черезъ нѣсколько времени въ контору госпиталя прибылъ дежурный по карауламъ офицеръ и объявилъ г. Мордвинову приказъ корпуснаго командира—отправиться на гауптвахту. Выдержавъ на ней смотрителя нѣсколько часовъ, ему возвратили саблю съ приказаніемъ явиться къ его высокопревосходительству. Николай Николаевичъ встрѣтилъ Мордвинова довольно ласково и, спросивъ о его прежней службѣ и связяхъ, сказалъ:

— «Хотя я съ вами, кажется, и въ дальнемъ родствѣ, но по службѣ шутить не люблю и привыкъ, чтобы мое приказаніе было тотчасъ исполняемо!»

Многіе охуждали Николая Николаевича за его холодность и недостатокъ состраданія къ ближнему. Вотъ случай, доказывающій, на сколько были справедливы эти укоризны.

По принятіи Н. Н. Муравьевымъ команды надъ гренадерскимъ корпусомъ, у меня, въ госпиталѣ, находился артиллерійскій штабсъ-капитанъ Р—ъ, въ продолженіе года мѣнявшій госпиталь на гауптвахту и—vice-versâ—гауптвахту на госпиталь. Обстоятельства его были до того незавидны, что онъ весьма часто нуждался въ самомъ необходимомъ; бывшіе же его начальники и товарищи находились въ Польшѣ. Дѣло Р—а было запутанное: кажется его обвиняли въ невѣрныхъ показаніяхъ и въ фамильярномъ обращеніи съ подчиненными, или въ чемъ-то подобномъ. Дѣло тянулось года полтора, если ни болѣе; изъ аудиторіата нѣсколько разъ получаемы были напоминанія о

скорѣйшемъ окончаніи дѣла. Оберъ-аудиторъ явился къ корпусному командиру съ докладомъ о новомъ напоминаніи аудиторіата, а у Николая Николаевича одинъ лаконическій отвѣтъ: подождите. Это повторялось нѣсколько разъ...

Послѣ какого-то общаго представленія (кажется къ Пасхѣ), Николай Николаевичъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— «Вы, г. Европеусъ, подождите; мнѣ нужно съ вами переговорить».

Раскланявшись со всѣми, онъ попросилъ меня въ кабинетъ и началъ:

— «Садитесь, такъ какъ разговоръ нашъ будетъ довольно продолжительный. Вы, вѣроятно, слыхали о дѣлѣ г. штабсъ-капитана Р—а, который почти безотлучно находится у васъ въ госпиталѣ?»

— Я о дѣлѣ слыхалъ, но сущности его не знаю.

— «Г. Р—ъ обвиняется въ разныхъ неприличныхъ поступкахъ, хотя не криминальныхъ, но не менѣе того дѣлающихъ безчестіе офицеру. Мнѣ уже неоднократно напоминали кончить это дѣло, но мнѣ жаль было молодаго и способнаго офицера, котораго погубить недолго. Дабы ничего не имѣть на моей совѣсти, хотѣлось бы мнѣ узнать: каковъ по душѣ Р—ъ человѣкъ? Обратиться, кромѣ васъ, не къ кому, такъ какъ всѣ его товарищи въ Польшѣ. Вы должны знать его коротко, а потому скажите мнѣ по совѣсти: каковъ онъ человѣкъ? Ежели онъ мерзавецъ, то мнѣ его не жаль...»

— Сколько я, въ продолженіе всего этого времени,—отвѣчалъ я,—могъ его узнать поближе и быть свидѣтелемъ его тоски и отчаянія, могу васъ увѣрить, ваше высокопревосходительство, что Р—ъ человѣкъ души доброй, но какъ молодой, неопытный, вовлеченъ въ непристойные поступки.

— «Отчего же вы полагаете, что онъ человѣкъ добрый, еще неиспорченный и стоющій снисхожденія?»

— Оттого, ваше высокопревосходительство, что онъ лишилъ себя почти самого необходимаго, даже табаку, отправляя остатки своего скуднаго, половиннаго жалованья сестрѣ-вдовѣ, у которой двое дѣтей, кажется въ Псковскую губернію.

— «Благодарю Бога за мысль обратиться къ вамъ за справками. Теперь съ чистою совѣстью могу окончить это дѣло, которое меня такъ безпокоитъ!»

Дѣйствительно, Р—ъ вскорѣ былъ освобожденъ изъ-подъ ареста и дѣло кончилось, кажется, тѣмъ, что долговременное нахожденіе на гауптвахтѣ было ему вмѣнено въ наказаніе и онъ былъ уволенъ отъ службы, безъ лишенія преимуществъ.

Что у Николая Николаевича были свои странности, впрочемъ, безвредныя это могу подтвердить слѣдующимъ разсказомъ.

Не помню въ которомъ году именно, знаю только, что дѣло было лѣтомъ, пришелъ ко мнѣ на квартиру адъютантъ Николая Николаевича и, не заставъ меня дома, передалъ моему деньщику желаніе генерала, чтобы я къ четыремъ часамъ пришелъ къ нему на обѣдъ, за̀-просто, въ сюртукѣ. Деньщикъ отвѣчалъ, что я врядъ-ли могу быть, такъ какъ вчера былъ посаженнымъ отцомъ у капитана Нидерландскаго полка, а сегодня званъ на обѣдъ къ молодымъ: Недовольствуясь этимъ отвѣтомъ Николай Николаевичъ вторично послалъ адъютанта ко мнѣ въ госпиталь съ порученіемъ объявить мнѣ о его желаніи. Отказаться я не могъ, ибо желаніе начальника тоже приказаніе.

Прибывъ въ домъ корпуснаго командира къ назначенному времени, я уже засталъ въ столовой многихъ офицеровъ, но, къ удивленію моему, однихъ только финляндцевъ и въ томъ числѣ начальника штаба, полковника Ф. Ф. Ридигера.

Онъ спросилъ меня, шепотомъ, по-шведски: не знаю-ли я, по какому случаю сегодня здѣсь обѣдъ?

— Это вамъ должно быть ближе извѣстно, отвѣчалъ я, такъ какъ вы живете въ одномъ домѣ съ корпуснымъ командиромъ...

Не прошло и получаса какъ насъ пригласили къ столу. Николай Николаевичъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа: занялъ свое обычное мѣсто, противъ жбана съ квасомъ; начальника штаба усадилъ рядомъ съ собою, съ лѣвой стороны, а тамъ размѣстились остальные офицеры, человѣкъ восемь или девять. Къ концу обѣда подали шампанское. Ф. Ф. Ридигеръ, подлѣ котораго я сидѣлъ, толкнулъ меня ногою, будто недоумѣвая о причинѣ небывалой роскоши... Вскорѣ дѣло объяснилось. Когда вино было розлито, Николай Николаевичъ всталъ и, поднимая бокалъ, произнесъ:

— «Господа финляндцы! Пью за здоровье ваше, за отсутствующихъ служащихъ въ гренадерскомъ корпусѣ и вообще за финляндцевъ, съ которыми мнѣ пришлось служить. Я нашелъ въ нихъ строгихъ исполнителей службы, честныхъ и безкорыстныхъ людей... Пью вторично за здоровье ваше, господа!»

Тогда начальникъ штаба, обратясь къ Николаю Николаевичу съ краткой рѣчью, благодарилъ хозяина за оказанную намъ честь, за лестный отзывъ о нашихъ землякахъ, увѣряя его отъ имени всѣхъ насъ, что мы всегда были вѣрны данной государю императору присягѣ и впредь останемся достойными сынами обширной Россіи. Черезъ полчаса всѣ разошлись, а хозяинъ, при прощаніи, благодарилъ насъ за оказанное ему удовольствіе.

И. И. Европеусъ.